

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Журнал основан в 2004 году
Выходит 4 раза в год

Том 17, № 4

ЗЧМД
2020

Выпуск 43

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (ИВР РАН)
Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (ИВР РАН)
Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.К. Аликберов** (ИВР РАН)
акад. РАН **В.М. Алпатов** (ИЯ РАН)
к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Изд-во «Наука»)
акад. РАН **Б.В. Базаров** (ИМБТ СО РАН)
д.филол.н. **С.Л. Бурмистров** (ИВР РАН)
д.ф.н., д.и.н. **А.А. Бурькин** (ИЛИ РАН)
д.и.н. **Р.М. Валеев** (КФУ)
проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская гос. библиотека)
О.В. Васильева (Российская нац. библиотека)
акад. РАН **А.П. Деревянко** (ИАЭТ СО РАН)
к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.И. Колесников** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Н.Н. Крадин** (ИИАЭ ДВО РАН)
акад. РАН **А.Б. Куделин** (ИМЛИ РАН)
к.и.н. **К.Г. Маранджян** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.Н. Мещеряков** (ИВР РАН)
акад. РАН **В.С. Мясников** (ИДВ РАН; ИВР РАН)
проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Пед. ун-т; Сычуаньский
пед. ун-т)
к.и.н. **С.М. Прозоров** (ИВР РАН)
проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский ун-т)
акад. РАН **А.В. Смирнов** (ИФ РАН)
проф. **Таката Токио** (Япония, Ун-т Киото; Китай, Фудань-
ский ун-т)
член-корр. РАН **И.В. Тункина** (СПбФ АРАН)
д.и.н. **С.А. Французов** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Д.В. Фролов** (МГУ им. М.В. Ломоносова)
к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (ИВР РАН)

Санкт-Петербург
ИВР РАН
2020

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

- А. Кылыч Дженгиз, А.А. Туранская.* Древнеуйгурские фрагменты *Sitātapatrā dhāraṇī* в коллекции Государственного Эрмитажа **5**
- Т.А. Пан.* Маньчжурско-китайский диплом *гаомин* 誥命 из коллекции ИВР РАН (В 108 mss) **24**

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

- А.Л. Хосроев.* «Докетическая» христология в раннем христианстве. Часть 2.1 **33**
- В.М. Рыбаков.* Приведение наказаний в исполнение по танскому праву **52**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, АРХЕОГРАФИЯ

- О.В. Тихонова, Л.А. Шакунова.* Красные и черные маргиналии в Толедском Коране (Ms. T 235 из Государственной библиотеки Кастилии-Ла-Манча) **66**
- М.В. Фионин.* Менологий лекционария D 227 из собрания ИВР РАН: литургическое чтение на праздник Положения пояса Богородицы **77**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

«В центре сибирского мира благоденствую под бдительной опекою полиции...»: Письма Ф.И. Кнауэра из томской ссылки 1915–1917 гг. Часть 2 (письма 8–21).

Подготовка к публикации, предисловие и комментарии Е.Н. Груздевой **94**

- К.В. Коростелева.* «Инновационные» материалы в консервации уйгурских рукописей из собрания Азиатского музея в начале XX в. **112**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.В. Ермакова.* Конференция «Актуальные проблемы буддологических исследований–9». К 80-летию Валерия Исаевича Рудого (06.02.1940–29.08.2009) (Санкт-Петербург, 26 февраля 2020 г.) **118**

РЕЦЕНЗИИ

- Herat M. (ed.).* Buddhism and Linguistics: Theory and Philosophy. — Cham: Palgrave Macmillan, 2018. — xvii + 191 pp. (*С.Л. Бурмистров*) **121**
- Walravens H.* Eugen Pander und seine lamaistische Sammlung. Rekonstruktion der als Kriegsverlust geltenden bedeutenden ehemaligen Berliner Bestände. — Tokyo: The International Institute for Buddhist Studies, 2019. — 230 с. (Bibliographia Philologica Buddhica. Series Major, VI) (*А.В. Зорин*) **129**

IN MEMORIAM

- Бросалина Елена Кирилловна (1931–2020) (*Е.А. Костина, Е.П. Панина, А.В. Челнокова, О.В. Мажидова, А.А. Никифоров*) **134**

На четвертой стороне обложки:

Фрагмент маньчжурско-китайского диплома (шифр В 108 mss) из коллекции ИВР РАН к статье Т.А. Пан «Маньчжурско-китайский диплом *гаомин* 誥命 (В 108 mss) из коллекции ИВР РАН»

Елена Кирилловна Бросалина (24.10.1931–17.10.2020)

DOI: 10.18716/WMO55230

17 октября 2020 г. ушла из жизни Елена Кирилловна Бросалина, доцент кафедры индийской филологии Восточного факультета СПбГУ, крупнейший специалист по бенгальскому языку и литературе. Многие годы она оставалась главой семьи петербургских индологов, связующей нитью для меняющегося коллектива кафедры. Искренняя, благородная, неутомимая, неподражаемая — и пример для подражания. Для всех нас — ее учеников, коллег, друзей — это невозполнимая утрата, глубину которой нам еще только предстоит осознать.

Е.К. Бросалина окончила Восточный факультет ЛГУ по специальности «Бенгальская филология» в 1955 г. Ее учителем была заведующая кафедрой индийской филологии, основоположница регулярного преподавания бенгальского языка в ЛГУ — Вера Александровна Новикова. Всех своих выпускников В.А. Новикова привлекла к работе над готовившимся в те годы собранием сочинений Р. Тагора, и это помогло Елене Кирилловне раскрыть один из самых удивительных ее талантов — переводческий. Чуткое и внимательное отношение к тексту, глубокое знание законов его построения, удивительная эрудиция и безусловное владение всеми языковыми инструментами характеризовали работу Елены Кирилловны над любым переводом, будь то произведения классиков бенгальской литературы, романы всемирно известного Салмана Рушди или детективы Роберта ван Гулика, Джозефины Тэй, Патриции Хайсмит и др. Трудно поверить, что и с самоотверженной Комолой из «Крушения», и с находчивым Судьей Ди из «Лаковой ширмы», и с клоуном Шалимаром наш читатель познакомился благодаря одному человеку — Елене Кирилловне. А для скольких стихов Тагора она сделала подстрочные переводы! Хотя Е.К. Бросалина обладала несомненным поэтическим даром, в стихотворную форму облекать слова *кавигуру* доверяли маститым поэтам — А. Ахматовой, Б. Пастернаку, Д. Самойлову. На кафедре индийской филологии Е.К. Бросалина сформировала свою школу перевода: она всегда была готова поделиться опытом, подсказать, как лучше передать те или иные реалии. После ее внимательного прочтения перевод всякий раз пестрел множеством поправок, но она исключительно уважительно относилась к мнению автора перевода, была готова обсуждать и вместе

добиваться идеального звучания текста. Результатом коллективной работы кафедры под руководством Е.К. Бросалиной стала публикация антологии индийского рассказа второй половины XX в. «Посмотрите на меня!» (2013 г.).

Рядом с рабочим столом Елены Кирилловны — вышитый портрет Р. Тагора, подаренный ей бенгальской делегацией. Еще один Тагор, уже на самом столе, одобрительно смотрит на стопку бенгальских литературных журналов, книг и газет. И это не случайно: Е.К. Бросалина посвятила исследованию творчества любимого поэта бенгальцев немало своих трудов. В 1973 г. она защитила диссертацию по теме «Драматургия Рабиндраната Тагора (80–90-е годы XIX в.)», а еще раньше, в 1967 г. во время своей первой поездки в Индию поселилась в Шантиникетане — здесь, в 150 километрах от Калькутты, расположился университет Вишва-Бхарати, основанный все тем же Р. Тагором на территории родового поместья. В первый приезд Е.К. Бросалина вместе с индийскими студентами посещала занятия по бенгальской литературе и фольклору, изучала язык ория. А потом неоднократно возвращалась в ставшие родными места, чтобы выступить с лекциями о творчестве Тагора и преподавании бенгальского языка в России. После одного такого выступления в 2011 г. к группе профессоров и студентов, окружавших Елену Кирилловну, подошла женщина лет шестидесяти. Она, простая домохозяйка, не решилась зайти в аудиторию, но не могла и пройти мимо: с афиши, извещавшей о лекции профессора Бросалиной, на нее смотрела Елена-ди, подруга юности.

«Элена, Элена, туми кено эле на?» («Елена, Елена, почему ты не приехала?») — в шутку сетовали коллеги в крупнейших университетах Бенгалии, когда им не удавалось пригласить *шримоти* (госпожу) Елену на конференцию или организовать для нее курс лекций. И напрасно: в любимую Калькутту Елена Кирилловна готова была отправиться при любом удобном случае. В 1996 г. она читала лекции на кафедре сравнительного литературоведения Джадавпурского университета, в конце 1990-х годов работала в Миссии Рамакришны: готовила к публикации первый перевод с бенгальского трудов этого интереснейшего мыслителя. Е.К. Бросалина всегда была открыта для помощи бенгальцам, занимавшимся русским языком. С особой теплотой ее вспоминают и Аруна Мукерджи из Вишва-Бхарати, и Гаутам Гхош из РЦНК «Горький садан», и Лили Банерджи из Калькуттского университета. А Пуроби Рой, профессор русского языка из Джадавпурского университета, была для Елены Кирилловны как младшая сестра. «На каком языке они разговаривают?» — спросил как-то менеджер отеля в Калькутте, ставший невольным свидетелем их беседы. — «Я почему-то понимаю половину, а остальное не похоже ни на другие языки Индии, ни на английский». Что можно было ему ответить? Это был язык сердца и многолетней дружбы. В письме-соболезновании 18 октября г-жа Пуроби написала: «End of an era... She was second mother of BENGAL».

Знали и любили Елену Кирилловну и в Бангладеш. Буквально через несколько месяцев после провозглашения независимости этой страны Е.К. Бросалина посетила ее столицу — Дакку — в составе делегации советских женщин.

На кафедре индийской филологии Елена Кирилловна начала работать еще в 1961 г. в должности лаборанта, а с 1968 г. получила возможность полностью посвятить себя преподавательской деятельности. После трагической кончины В.А. Новиковой в 1972 г. Е.К. Бросалина стала основным (и на долгие годы единственным) преподавателем бенгальского языка и литературы. Помимо проведения всех языковых занятий она подготовила и реализовала ряд уникальных авторских курсов по различным аспектам бенгалистики и переводоведения: «Рецензия и репортаж на бенгальском языке

ке», «Стилистические особенности современного бенгальского рассказа», «Бенгальская поэзия», «Вишнуитские пады», «Бенгальская литература периода Просвещения», «Драмы Тагора» и др. В 2004–2006 гг. совместно с Е.Р. Крючковой и А.Л. Сладковым Е.К. Бросалина разработала учебное пособие «Бенгальский язык. Начальный курс», пришедшее на место рукописным урокам, по которым студенты учились с середины 1970-х годов. До последних дней Елена Кирилловна работала над новыми курсами, откликаясь не только на актуальные тенденции в мировой и бенгальской литературе, но и на потребности каждой конкретной студенческой группы.

Студенты-бенгалисты всегда могли рассчитывать на помощь и поддержку Елены Кирилловны: она никогда не отказывалась лишней раз объяснить сложную тему, очень внимательно относилась к работам подопечных, будь то реферат первокурсника или кандидатская диссертация. Свои занятия она стремилась сделать максимально полезными и насыщенными, даже лекции по истории бенгальской литературы каждому курсу читала по-разному, а после опубликования в 2014 г. «Очерков истории литератур Индии» вообще решила отказаться от лекций, повторяющих содержание пособия, в пользу работы с текстами. Ей было важно не просто донести до слушателей материал, а заинтересовать их, заинтриговать, научить анализировать и вчитываться. За достижения в области преподавания Елена Кирилловна была награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации и званием «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Даже находясь в больнице, Е.К. Бросалина переживала за своих учеников: получат ли они стипендию правительства Бангладеш, смогут ли поехать на стажировку, не забудут ли принять участие в конференции или конкурсе...

Сфера научных интересов Е.К. Бросалиной никогда не ограничивалась одним лишь Р. Тагором. Еще во время учебы в аспирантуре она начала заниматься творчеством Маника Бондопадхья — писателя-эксперименталиста, стремившегося раскрыть глубины человеческого сознания и правдиво показать все тяготы жизни беднейших индийцев. И хотя приблизившийся юбилей Р. Тагора привел к тому, что ей пришлось отказаться от первоначальной темы диссертации, она всю жизнь проявляла особый интерес к тем авторам и аспектам бенгальской литературы, которые таили в себе какую-нибудь нерешенную загадку. Не случайно все выступления Елены Кирилловны на конференциях неизменно пользовались успехом и вызывали живую дискуссию. Так, в последние годы ее особенно увлекла литература Аракана, уникальной области с преимущественно мусульманским населением, где в XVII в. под владычеством монарха-буддиста процветали придворная поэзия и изящные искусства.

А предшествующее десятилетие Е.К. Бросалина посвятила изучению наследия Г.С. Лебедева — музыканта и путешественника, основателя первого индийского театра, исследователя индийской культуры. В рамках проекта «Научное наследие первого русского индолога Г.С. Лебедева (1749–1817): комплексное исследование, подготовка текстов к изданию», в котором она принимала участие в 2005–2007 гг. совместно с коллегами и учениками — Н.В. Гуровым, Я.В. Васильковым, Е.Р. Родионовой и А.Л. Сладковым, она подготовила несколько статей и приняла участие в ряде конференций. В 2012 г. под руководством Е.К. Бросалиной был осуществлен и опубликован перевод с бенгальского языка крупнейшего исследования жизни и творчества Лебедева — монографии Х. Мамуда «Герасим Степанович Лебедев».

Возможно, тема Лебедева оказалась близка Елене Кирилловне еще и потому, что помимо искренней любви к народу Бенгалии она разделяла с ним еще несколько

увлечений — театр и путешествия. Среди друзей и родных Е.К. Бросалиной было немало тех, кто связал свою жизнь с театром, и она с удовольствием рассказывала о спектаклях разных лет и, несмотря на проблемы со здоровьем, не упускала возможности посетить очередную премьеру в Мариинском. А на кафедре она сама руководила студенческими постановками, среди которых особое место занимала «Страна карт» — адаптация драмы Р. Тагора. А каждую осень Елена Кирилловна непременно отправлялась к морю. И повсюду — будь то базар в небольшом курортном итальянском городке или такси в Дубае — она встречала выходцев из Индии и Бангладеш, и через несколько минут они уже наперебой читали стихи и пели бенгальские песни. «Этот отпуск тоже можно считать повышением квалификации», — не раз говорила она по возвращении.

Поздней осенью, когда в Индии отмечают праздник огней *дивали* и украшают дома в ожидании прихода богини счастья и благополучия Лакшми, кафедра индийской филологии обычно собиралась на «скорпионий день»: на чествование индологов, родившихся под этим знаком, приходили родные, коллеги и друзья. Но сколько бы «скорпионов» ни собиралось за столом, главной именинницей всегда была Е.К. Бросалина. В этом году в окнах кафедры темно, мы так и не успели поздравить Елену Кирилловну. И хотя сейчас особенно остро ощущается пустота и боль утраты, в душе каждого из нас будет гореть огонек — отблеск того пламени, что горело в сердце Елены Кирилловны. Светлая ей память.

Е.А. Костина,
старший преподаватель кафедры индийской филологии
Восточного факультета СПбГУ

С 18 октября 2020 г. на сайт группы «Восточники» поступило более ста сообщений от друзей, коллег, выпускников с выражениями соболезнования в связи с кончиной Елены Кирилловны Бросалиной. Все эти отклики бережно собирает администратор группы — Людмила Ивановна Овсянникова.

Ниже публикуются воспоминания студентов Елены Кирилловны о преподавателе, кураторе группы, друге.

ПОМНИМ

3 ноября 2020 г. исполнилось 166 лет со дня образования Восточного факультета СПбГУ. В поздравительной речи декана Восточного факультета М.Б. Пиотровского прозвучала фамилия нашего преподавателя Елены Кирилловны Бросалиной в списке серьезных утрат 2020 г. для российского востоковедения.

Елена Кирилловна Бросалина в области бенгалистики была профессионалом высочайшего уровня и щедро дарила свои знания ученикам. С ней наша группа студентов бенгальской филологии познакомилась 1 сентября 1976 г. Нас было шестеро со своими особенностями характера и разной степенью подготовки и восприятия восточных языков. Но, несмотря на многие трудности, ей удалось к каждому найти подход и довести нас в полном составе до выпуска из университета с надлежащими знаниями и отличными показателями по ее предметам.

Между собой наша группа называла своего куратора «Шримата» (от индийского уважительного обращения к женщине «шримати») из-за сделанной мной ошибки на

1-м курсе при изучении новых слов. У предыдущего выпуска Елена Кирилловна ассоциировалась с образом «классной дамы». Упомянутые эпитеты поразительно отражали качества этой женщины: всегда собранной, внешне строгой, никогда не опаздывающей на занятия к студентам. В противоположность ей наша группа самодисциплиной не страдала, но благодаря лояльности преподавателя у нас никогда не было серьезных «разборок» с администрацией, за исключением одного раза, когда по неточно понятой договоренности группа полностью не явилась на занятия в лингафонный кабинет. Нас всех ждал строгий выговор, который красовался не один день на доске «почета».

Со стороны казалось, что Елена Кирилловна держалась со студентами чуть-чуть свысока, но это только на первый взгляд. Когда тема увлекала ее, она включалась в обсуждение, и внешняя холодность ее таяла как лёд.

Помню, у нас была утренняя пара у Е.К. Бросалиной. Вхожу в аудиторию и попадаю в атмосферу «крамолы». Сидят Елена Кирилловна и Света Мотенко, в ожидании появления остальных студентов-бенгалистов ведут оживленный разговор о личности В.И. Ленина отнюдь не в том ключе, в котором освещалась его роль в истории партии. Тема была успешно обсуждена и закрыта началом занятий.

Нашего куратора интересовали не только жизненные позиции и успехи в учебе студентов, но и наши бытовые условия: пятеро из группы проживали в общежитии. Она довольно часто вместе с другими преподавателями индийской кафедры заглядывала к нам в гости. И их инспектирование общежития обычно выливалось в сладкое застолье с содержательными беседами.

Во время таких встреч у нее возникло решение подготовить небольшой обзорный курс основ языка ория, так как ей стало известно об огромной заинтересованности девочек, направленных на учебу в ЛГУ от издательства «Прогресс», в получении таких знаний. В результате курс был полезен всем, а для меня, как и литературоведческая тема дипломной работы, предложенная мне на 5-м курсе, это послужило переходным мостиком для устройства на работу в Москве.

Я очень благодарна этой женщине, вложившей свой труд и тепло своего сердца для самостоятельного полета птенцов из уютного гнезда альма-матер. Светлая ей память!

Е.П. Панина

Как и для большинства петербургских индологов, Елена Кирилловна для меня — Учитель. Парадокс в том, что — мне повезло меньше, чем другим, — формально я не училась у нее ни дня, лекций и занятий в нашей группе она не проводила. Но она учила, воспитывала, вдохновляла каждый раз, когда оказывалась рядом. Подспудно, сама того не замечая — примером, поддержкой, готовностью щедро делиться идеями и знаниями.

Яркая, самобытная, ни на кого не похожая, Елена Кирилловна — гордая красавица с безупречным чувством стиля, авторитетнейший, известный во всем мире бенгалист, уникальный переводчик, требовательный и умелый преподаватель — в первую очередь остается для меня очень добрым человеком. Всё, что она делала для всех своих коллег и учеников, было продиктовано искренней готовностью сделать для каждого всё, что в ее силах — научить, подсказать, помочь. У нее хватало сил и времени для всех, и каждый был ей интересен.

Другая поразительная черта Елены Кирилловны — не иссякающий интерес к своему Делу вкупе с неиссякаемой работоспособностью. Занимаясь со студентами, она

постоянно придумывала новые курсы, совершенствовала старые, находила интересные материалы, сочиняла задания. У нее в работе всегда было сразу несколько научных тем, при этом она легко дарила нам свои наблюдения и находки. Всякий раз, рассказав ей о современном авторе или только что вышедшей книге, я искренне гордилась, что сумела узнать о них раньше нее. Таких случаев было немного, обычно обо всех новинках она узнавала первой...

Довольно много я работала с Еленой Кирилловной как с редактором. Это очень непростой, но, пожалуй, самый ценный опыт в моей профессиональной жизни. Будучи одним из лучших современных переводчиков, она была внимательным, требовательным, а порой ироничным редактором, работа под руководством которого дала мне больше, чем любые курсы и пособия. Жаль, что переводчики не могут «официально» посвящать кому-то свои труды. Каждым переведенным мною текстом я была и до конца жизни буду обязана только Елене Кирилловне.

А еще я обязана Елене Кирилловне десятком кулинарных рецептов, двумя хитрыми способами завязывания шарфа, парочкой дельных советов по общению с мужчинами и воспитанию детей, удивительными индийскими знакомствами и даже действенным методом борьбы с «сосулями» при помощи швабры. Но это личное.

Моя дорогая Елена Кирилловна, Вы всегда со мной, и я бесконечно благодарю Вас и за это.

А.В. Челнокова

Невозможно передать, как жаль...

В нашей группе (1976–1981) было принято обращаться на занятиях к Елене Кирилловне «Шримоти» (*бенг.* «Госпожа») Елена. Действительно — госпожа! При этом без всякой заносчивости — наоборот, со всем участием в наших личных проблемах и огромной требовательностью к учебе. Не знаю, как проходят занятия сегодня, но мы с Е.К. занимались практически в пещерных условиях: в лингафонном кабинете мы слышали голос Аруны Халдар, доносившийся до нас из глубины веков, продиравшийся сквозь помехи времени и допотопной звукозаписывающей аппаратуры... Читали истершиеся газеты — тоже Бог весть какой давности...

Однако это не помешало нашей учебе и сотрудничеству, а затем и дружбе. Какая прекрасная у Е.К. дочка Олечка! Мы все ее знаем. Про внука Елены Кирилловны Тимофея я, например, знаю из телефонных с ней разговоров.

Сегодня Ольга сказала мне, что мы были самой любимой группой Елены Кирилловны — да не обидятся другие выпускники: она ведь заботилась обо всех. А может, Елена Кирилловна про все свои группы так говорила, никого от себя не отрывая и не отдаляя за счет других, ибо все были одинаково близки и дороги? Или это сама Ольга такая тактичная и внимательная — есть в кого...

Елена Кирилловна как-то высказала мечту — поехать в Калькутту или Дакку всей нашей группой. Не знаю, осуществилась ли эта ее мечта с каким-либо из ее выпусков...

Елена Кирилловна и Никита Владимирович Гуров — ближайший ее друг, соратник и соавтор (их книга о Герасиме Лебедеве, при участии Ярослава Владимировича Василькова, тоже нашего преподавателя, — замечательная работа), несколько раз приходили к нам в общежитие на Детской — видимо, это было для них общественной нагрузкой (проконтролировать, формально оценить условия проживания, галочку поставить). Почему в этих посещениях не было никакого официоза? Мы заранее готовились. Всё очень просто: покупаешь в кулинарии дрожжевое тесто, фарш (какой есть),

в фарш добавляешь лучку репчатого, мелко порезанного, на маслице подсолнечном обжаренного, лепишь беляшики, а потом жарить их на общей кухне. И тут — самое главное (общежитские меня поймут!) — успевать оберегать готовый продукт от желающих снять пробу! Всё для дорогих гостей! А за столом уже, конечно, разговоры, воспоминания Е.К. и Н.В. об их поездках в нашу любимую страну, о советской нашей действительности — ее прошлом, настоящем и будущем, о Джугашвили (именно так называл Сталина Никита Владимирович) и многом-многом другом...

Конечно же, мы всей группой бывали в гостях у Елены Кирилловны. Какая все-таки странная вещь — человеческая память. Мои одноклассники помнят, что нас угощали лосятиной — Вадим Александрович, супруг Е.К., был охотником. А вот я лосятину не помню. Наверное, было вкусно. Зато помню (а мои однокашники — как раз не помнят этого!), с какой гордостью Елена Кирилловна показала нам четыре бронзовых колокольчика, висевших рядом с дверью в соседнюю комнату. Эти колокольчики (на куполе каждого — выгравированное на металле имя) ей преподнесли молодые люди (девушек в той группе не было) из выпуска перед нами, ее первого выпуска, со словами «Елена Кирилловна! Позвоните, когда Вам потребуется наша помощь».

Вряд ли она позвонила хотя бы раз. Но и без сигнала о необходимости помочь — сколько людей готовы были кинуться к ней, чтобы оказаться хоть немного полезными, чтобы в нашей родной Бенгалии или Бангладеш помочь ей даже в самых незначительных мелочах. А кто из нас не обращался к ней — за советом, поддержкой, просто поговорить... И отказа не было никому!

Кстати, по словам Ольги, колокольчики эти до сих пор на том месте, которое им отвела Елена Кирилловна в 1976 году...

Как жаль, что НИКТО НИКОГДА в них уже не позвонит...

О.В. Мажидова

Июнь 1973 г., Университетская набережная.
Е.К. Бросалина со студентами-бенгалистами, окончание второго курса.
Рядом с Еленой Кирилловной — одна из выпускниц кафедры,
ассистировавшая Е.К. Бросалиной на экзамене

За 45 лет после окончания Восточного факультета мне не так уж часто доводилось встречаться с нашим преподавателем бенгальского языка и литературы Еленой Кирилловной Бросалиной — было от силы полдюжины встреч, когда мы оба оказывались в Москве, наверное, чуть почаще — когда мне доводилось бывать в Ленинграде. Ну, и еще пару раз — в Индии.

Это, очевидно, закономерно: я, равно как и остальные из нашей группы выпуска 1976 года, не остался в бенгалистике, каждому из нас жизнь продиктовала другую дорогу.

Но вот что интересно. С кем бы из людей, знавших Елену Кирилловну, ни доводилось мне на своем пути пересекаться и разговаривать, где бы ни проходила беседа — в Москве, Дели или Дакке, на каком бы языке ни говорил мой собеседник, я ни разу не слышал о ней не то что дурного — даже просто равнодушного слова. А ведь это имя упоминалось в моих разговорах с самыми разными людьми — преподавателями ИСАА и МГИМО, Даккского и обоих делийских университетов, дипломатами, в том числе послами, СССР, Индии и Бангладеш, литераторами этих стран, сотрудниками советских культурных центров, ТАСС, АПН, издательств «Прогресс» и «Радуга». А когда собеседники узнавали, что мне в свое время довелось быть ее студентом, симпатия, которая сохранилась у них от знакомства с Еленой Кирилловной, какой-то светлой волной отражалась и на мне.

В юности, на первом круге дистанции своей жизни, не задумываешься, который из уроков учителей станет в будущем главным для тебя. Другое дело — когда ты оцениваешь это, находясь уже на последнем перед финишной прямой вираже.

Многое ли из того, что преподавала нам на факультете Елена Кирилловна, стало моим основным инструментом или оружием в дороге, определенной мне судьбой?

Нет. Ведь в тех сферах, в которых мне довелось работать, даже бенгальский язык был не очень востребован. Уже не говоря о драматургии Тагора или коротких рассказах Маника Бондопаддхя.

А вот вызванная светлой личностью Елены Кирилловны волна, которая докатывалась до меня все эти годы от разных людей, знакомых с «мадам Бросалиной», — это был действительно урок.

УРОК великой учительницы, которому она учила нас эти пять лет.

Урок человеческого достоинства, огромного терпения, ума, воспитанности, знаний, порядочности, внимания без навязчивости, строгости без занудства, сопереживания без сюсюканья, прямоты без безапелляционности, самоиронии без самоуничтожения, умения учить и учиться, интересоваться и заинтересовывать, ценить право других на свое мнение и исключительно тактично отстаивать свою позицию — и способности воплотить сумму всего этого в воспитание у окружающих уважительного отношения к себе, своей профессии, кафедре, факультету, университету, восторженного отношения к городу, который она представляет, и стране, в которой есть такие люди и такие ученые.

Урок человечности, который ни в какое расписание занятий не входит.

В дальнейшем, во время работы с молодыми коллегами, мне неоднократно доводилось умерять бьющий через край азарт очередного проекта, добиваясь соразмерности «замаха» автора с имеющимся у него потенциалом и ожидаемым результатом. И нередко вспоминался эпизод подготовки мной дипломной работы на факультете.

— Вот тут вы тюкаете Фрейда, — спокойно, с едва уловимой иронией прокомментировала один из фрагментов текста Елена Кирилловна, затем чуть торопливо, успо-

коительно добавила: — И правильно делаете, — видимо, чтобы не отбить желания искать и дерзать у совсем зеленого и еще не готового к серьезной дискуссии студента.

Каждому в молодости хочется «пободаться» с авторитетом. И, видимо, для того и необходим Учитель, чтобы в нужное время подсказать, что молочные зубы — это еще не боевые клыки, пригодные для настоящей работы. Дерзость хороша, когда она сопровождается ростом, накоплением силы, знаний и опыта, дабы наивное «тюканье» любого рода не превратилось в идеологический стержень и основное содержание работы и не воспринималось как раз и навсегда достигнутая вершина.

А еще в эти дни, когда факультет попрощался с одним из самых своих верных сотрудников (шутка ли — шесть десятков лет в кадровом составе одной кафедры!), Елена Кирилловна вспоминается как исключительно легкий человек. По-моему, она никогда не грустила и не скучала. Я ни разу не видел ее в роли обиженной или обделенной. Даже когда ей приходилось сталкиваться с трудностями (а кто с ними не сталкивается?), она проходила через них с такими же привычными для окружающих легкостью и шармом, и казалось, что проблемы сами послушно расступаются перед ней или аккуратно обходят ее стороной.

Наверное, потому что она просто жила, а не влачила тяжкое существование.

Считается, что душа человека умирает только тогда, когда о нем перестают помнить. Если это правда, Елене Кирилловне предстоит еще долгая счастливая жизнь. Ибо к каждому, кому Судьба подарила возможность встретить этого человека, воспоминания о Елене Кирилловне будут всегда приходить в самых светлых тонах.

Где-то в середине девяностых годов, находясь в Ленинграде, я решил показать сыну-первокласснику родной факультет. На кафедре индийской филологии мы застали Елену Кирилловну, которая консультировала кого-то из питомцев очередного набора. «Познакомься, — сказал я парню. — Эта ГОСПОЖА — Елена Кирилловна. Моя самая любимая учительница».

За последнюю четверть века это мнение не изменилось.

Жаль только, что судьба уже не подарит мне приятной возможности похвастаться знакомством с Еленой Кирилловной перед моим внуком.

А.А. Никифоров